

УДК 82-31

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-2-283-289

СВОЕОБРАЗИЕ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ «ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО» С. БАРУЗДИНА

Ян Гуйюнь

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена актуальной проблеме – исследованию хронотопа в творчестве известного советского писателя С. А. Баруздина в романе «Повторение пройденного». **Новизна** настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы хронотопа и связанного с ним мира детства и войны в прозе С. А. Баруздина. **Целью работы** является выявление сюжетно-тематических особенностей хронотопа романа «Повторение пройденного», а также особенности изображения персонажей в романе, их взросления. **Результаты.** По итогам проведенного исследования установлено, что роман С. А. Баруздина отражает автобиографичность: это подчеркивается воспоминаниями главного героя. Автор показывает хронотоп в сюжетно-композиционном, тематическом и образном плане, как он реализуется на этих уровнях, взросление подростков на войне. Выявлено, что хронотоп романа соотносится со сказочным, так как герой на протяжении всей войны ищет свою любимую, теряет и соединяется с ней. Также своеобразие хронотопа романа раскрывается в топосах Москвы, которые были близки герою в довоенное время, а также в топосах военных дорог. Автор показывает не только пути движения войсковых частей, но и пути взросления героя и его сверстников. С. Баруздин использует художественный прием «кольцевой хронотоп»: начинается и заканчивается роман современной жизнью героев, между этими точками – хроника военных событий, преломленных через призму жизненного опыта человека, прошедшего войну.

Ключевые слова: хронотоп, сказочный хронотоп, С. А. Баруздин, роман «Повторение пройденного», автобиографичность, мир войны, мир детства

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ян Гуйюнь. Своеобразие хронотопа в романе «Повторение пройденного» С. Баруздина // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 2. С. 283–289. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-2-283-289>

THE PECULIARITY OF THE CHRONOTOPE IN THE NOVEL “REPETITION OF THE PASSED”
BY S. BARUZDIN

Yang Guiyun

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to a topical issue – the study of the chronotope in the works of the famous Soviet writer S. A. Baruzdin in the novel “Repetition of the Past”. The relevance of this study is due to the insufficient development of the problem of the chronotope and the associated world of childhood and war in the prose of S. A. Baruzdin. The purpose of the work is to identify the plot and thematic features of the chronotope of the novel “Repetition of the Past”, as well as the features of the depiction of characters in the novel, their growing up. Results. Based on the results of the study, it was established that the novel by S. A. Baruzdin reflects autobiography: this is emphasized by the memories of the protagonist. The author shows the chronotope in the plot-compositional, thematic and figurative terms, how it is realized at these levels, the growing up of teenagers during the war. It was revealed that the chronotope of the novel is related to a fairy tale, since the hero is looking for his beloved throughout the war, loses and unites with her. The uniqueness of the novel's chronotope is also revealed in the toposes of Moscow, which were close to the hero before the war, as well as in the toposes of military roads. The author shows not only the routes of movement of military units, but also the ways of growing up of the hero and his peers. S. Baruzdin uses the artistic device of a ring chronotope: the novel begins and ends with the modern life of the heroes, between these points there is a chronicle of military events refracted through the prism of the life experience of a person who went through the war.

Keywords: chronotope, fairy-tale chronotope, S. A. Baruzdin, the novel “Repetition of the Past”, autobiographical, the world of war, the world of childhood

The author declares no conflict of interest.

For citation: Yang Guiyun. The peculiarity of the chronotope in the novel “Repetition of the passed” by S. Baruzdin. *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 2, pp. 283–289. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-2-283-289>

Введение

Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991) – русский и советский писатель, поэт, и журналист, историк литературы. Секретарь правления Союза писателей РСФСР и Союза писателей СССР, автор многих книг для детей и юношества, романов, повестей и рассказов. С. А. Баруздин в начале Великой Отечественной войны еще не мог быть призван на фронт, однако, приписав себе два лишних года, был призван и служил в артиллерийской разведке, освобождал Европу, окончил свой боевой путь в Берлине. На фронте он вел дневник, первая часть которого погибла при переправе через Одер, а вторая сохранилась и легла в основу многих повестей и романов писателя. Так, автобиографический роман «Повторение пройденного» писатель создавал с 1953 по 1964 год. В это время шло восстановление разрушенных войной промышленности, городов и сел Советского Союза. Вчерашние солдаты в мирное время не забывали о прошлой войне, так и С. А. Баруздин в своих произведениях не раз возвращался к фронтовой юности. Его роман можно отнести и к «лейтенантской прозе», и к подростковой литературе.

Методы и материалы

Культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы исследования феномена хронотопа в романе С. Баруздина позволили выявить своеобразие пространственных и временных констант мира подростков, ушедших на войну, а рассмотрение хронотопа романа в единстве со всеми компонентами литературного произведения – раскрыть особый художественный мир.

Для детей и подростков о войне писали Л. А. Кассиль, В. П. Катаев, Л. Ф. Воронкова, В. А. Осеева и другие прозаики и поэты. В 1950–1960-е годы появляются повести и романы поколения молодых «лейтенантов» 1940-х гг.: Ю. В. Бондарева, Г. Я. Бакланова, К. Д. Воробьева, В. О. Богомолова, В. В. Быкова. «Лейтенантская проза», в которой без прикрас и идеологической «лакировки», с точной психологической

детализацией воссоздались тяжелые военные события, выпавшие на долю солдат и офицеров, сражавшихся непосредственно в окопах. Часто в этих произведениях писатели рассказывали не только о тяжелом времени, но и о тех путях, которыми прошли они в своей военной молодости.

Критики и исследователи военной литературы внесли немалый вклад в изучение «лейтенантской прозы». Этой проблеме были посвящены монографии А. Бочарова [1], П. Гончарова [2], И. Дедкова [3], Н. Лейдермана и М. Липовецкого¹, П. Топера [4]; статьи Л. А. Трубиной [5], А. Н. Либрехт [6], Н. В. Ковтун [7], Е. В. Крикливец [8] и др. Однако в 1960-е годы некоторые критики увидели в «лейтенантской прозе» в излишний натурализм, упадничество, безыдейность, дегероизацию подвига советских людей.

Интересным, на наш взгляд, является исследование В. А. Бережной², Г. Ф. Хасановой³. Г. Ф. Хасанова рассматривает военную прозу в контексте фольклорно-литературных традиций. Она писала, что «в военной прозе обозначенного периода прослеживается тенденция наделять героев чертами сказочных персонажей. Советские солдаты и офицеры соотносятся с положительными персонажами сказок, выступающими на стороне добра, бывалым солдатом (В. Астафьев «Передышка», С. Баруздин «Повторение пройденного»), волшебным помощником (Е. Носов «Усвятские шлемоносцы», А. Злобин «Самый далекий берег»)»⁴.

Роман С. Баруздина «Повторение пройденного» с точки зрения функционирования фольклорных традиций не рассматривался, нет исследований

¹ Ледерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература : учеб. пособие для вузов : в 3-х кн. Кн. 1: Литература «Оттепели» (1953–1968). М. : Эдиториал УРСС, 2001. 284 с.

² Бережная В. А. Духовно-эстетические основы литературы «потерянного поколения» и ее влияние на отечественную «военную прозу» 50-80-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2005. 22 с.

³ Хасанова Г. Ф. Военная проза конца 1950-х – середины 1980-х гг. в контексте литературных традиций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2009. 23 с.

⁴ Там же. С. 18.

соответствия «сказочного» хронотопа романа. Как писал И. Мотяшов, «книги С. Баруздина, при том, что в них преобладает лирический настрой, остроконфликтны. Однако конфликт в них редко предстает как сшибка характеров, прямая схватка «положительного» и «отрицательного», добра и зла. Чаще это бескомпромиссное духовное противостояние героя всему враждебному жизни, будь то человеконенавистнический фашизм, мерзкая психология обывателя-хищника, болезни или другие несчастья»¹.

Обсуждение и результаты

Автобиографичность романа «Повторение пройденного» проявляется в том, что повествование ведется от первого лица, подчеркивается еще и тем, что герой не имеет имени, в начале романа он – мальчик-подросток: в 1940-м году ему 13 лет. Как отмечали Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, особенностью «лейтенантской прозы» являлось то, что «центральный персонаж фронтовой лирической повести – это либо бывший студент, либо вчерашний школьник. <...> Надев военные шинели, они не перестали быть ребятами: распахнутыми и смешными, как ошалевший от первых поцелуев Сережа Воронов из «Крика» ...» (автор повести К. Воробьева – Я. Г.)².

Название романа «Повторение пройденного» подчеркивает особенность хронотопа: «повторение» указывает на временную составляющую, а «пройденного» – на пространственную. Как отмечали Д. А. Шальнова и Ю. В. Соложеникина, «заглавие всегда является доминантной позицией текста, признаком его завершенности. Семантическая функция заглавия особо значима для текстов художественной литературы...» [9, с. 477]. Также особенность творческого замысла писателя состоит в том, что в романе присутствует переплетение современной жизни героев с хроникой военных событий и указывает на пройденный фронтовой путь героя. В романе писатель использует своеобразный художественный прием – начало романа относится к моменту, когда главный герой, прошедший тяготы

войны, уже женат на Наташе и у героя две дочери – Надя и Люба. Заканчивает писатель роман эпизодом с младшей дочерью, которую ведет домой из детского сада. Такой финал романа символичен, он показывает непрерывность жизни, непрерывность обновления, непрерывность пути.

Главный символ романа, как и в сказке, – путь героя, поэтому можно говорить о «сказочном» хронотопе, отражающем его временные и пространственные перемещения. В начале герой думает о пути: «А я люблю уезжать, и не только потому, что это надо. Я люблю уезжать, чтобы возвращаться»³.

Начинается роман с того, что герой, приехав из командировки, узнает от директора школы, что старшая дочь Надя прогуливает с одноклассниками занятия, а также то, что учительница истории недовольна тем, что его дочь дружит с Игорем, который старше на два года. Он второгодник не потому, что плохо учился, а потому что болел. Проблемы в школе старшей дочери дают герою повод для размышления о времени, о поступках в тех или иных ситуациях. В романе мир подростков как бы предстает вновь перед героем, но на новом уровне, на примере нового послевоенного поколения. Также герой невольно сталкивается с новыми реалиями жизни подростков. Разговоры с дочерью о школе, об Игоре, о том, что рассказывала учительница о Великой Отечественной войне, невольно вызывают у отца воспоминания о его предвоенных и военных годах. Герой рассказывает старшей дочери Наде о себе, о боевом пути, о пути поиска любимой девушки, с которой разлучила, а потом и вновь свела война. Воспоминания солдата, познавшего гибель родных, сослуживцев, но пронесшего свою любовь через все испытания, – это возвращение к счастливому концу. Герой пытается осмыслить суть течения времени: «Я думаю о детстве – своем и нашем детстве. О детстве и юности, которые, может быть, не похожи на детство и юность наших сегодняшних ребят. Но и в непохожем есть похожее. Помним ли мы все?» (с. 268). Герой понимает, что дочь уже в том возрасте, который был у него на начало войны, что

¹ Мотяшов И. Я верю в жизни напряжение // URL: <https://rulib.pro/read-book/681169-dva-izmereniya?page=217> (дата обращения: 29.11.2024).

² Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература : учеб. пособие для вузов : в 3-х кн. Кн. 1: Литература «Оттепели» (1953–1968). М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. 112.

³ Баруздин С. Повторение пройденного : роман. М. : Детская литература, 1981. 271 с. С. 6. Далее ссылки в тексте на это издание будут даны в круглых скобках с указанием страницы.

она равнодушна к однокласснику Игорю, что новое как бы подхватывает эстафету старого.

Писатель использует кольцевое повествование: настоящее – прошлое – настоящее. Недаром С. Баруздин роман разделяет на главы, которые обозначает годами: «ГОД 1961», «ГОД 1940», «ГОД 1941», «ГОД 1942», «ГОД 1943», «ГОД 1944», «ГОД 1945», «ГОД 1946», «ГОД 1961» – это своеобразное кольцо лет. В такой структуре текста можно видеть опять отсылку к сказке, в которой есть «время сказочника/рассказчика» и «время сказки». Как писал Д. С. Лихачев о времени исполнения сказки и времени событий в сказке, что «конечно, единство времени достигнуто быть не может, – достигается лишь известная условная пропорция между длительностью самих событий и длительностью рассказа о них» [10, с. 252]. Так и в романе С. Баруздина время рассказчика и время рассказа не пропорциональны, но одно без другого не могут быть восприняты.

Время и пространство в романе отражают автобиографические факты писателя о его встречах в московском доме пионеров с известными людьми – кумирами молодежи того времени, то есть вписывает в контекст 1930-х годов. Герой романа вспоминает, что были встречи с Крупской и Чкаловым, а потом с папанинцами, с писателями Маршаком, Чуковским, Гайдаром, Касилем и Михалковым, с генералом Карбышевым и с авиаконструктором Микулиным.

Топос романа тоже имеет кольцевую основу: события разворачиваются в предвоенной Москве и заканчиваются в Москве. До войны герой жил обычной жизнью подростка: ходил в дом пионеров, писал стихи, которые даже публиковались в «Пионерской правде». Как и все подростки катался на коньках, но больше увлекался чтением. Он дружил с Наташей, которая была на три года старше, а затем эта дружба переросла в любовь. Писатель часто показывает героя и Наташу идущими по улицам Москвы, с которыми у героев были связаны свои ассоциации. «Кировская. Улица Кирова. Бывшая Мясницкая. Мясницкой ее называли раньше. И все же дело не в том, как называли ее, а в том, что она улица удивительная!

– Помнишь, как здесь челюскинцы ехали?

– Помню. И еще Чкалов, Байдуков, Беляков. Помнишь?

– Конечно.

– А потом Громов.

– А ты еще папанинцев забыл.

– Я не забыл. А Киров? Не помнишь, как Кирова здесь везли?

– Я не была тогда, – призналась Наташа.

Помолчала и добавила невзначай:

– Я письма отсюда всегда отправляю, с почтамта. Отсюда, говорят, быстрее всего доходят...» (с. 16–17).

Своеобразие хронотопа романа подчеркивает, как рождались чувства у молодого героя, как он страдал, не зная, как высказать ей свои чувства, как они развивались во времени. Мирная жизнь героя неразрывно связана с поэтическим творчеством, для него это своеобразный мир общения как с классической поэзией, так и современной. О неразделенности чувств он в своих стихах писал:

В тишине дождливой дня
Приближенье серой осени
Вновь на сердце у меня.
Как забытое, далекое,
Где-то в самом тайнике
Вместе с пушкинскими строками
О печали и тоске... (с. 22)

В начале романа писатель достаточно много приводит стихов, которые пишет герой, показывает, как они изменяются от взросления его чувств. Уже во время войны герой писал:

Все пройдет, и зимними порошами
Заметет прошедших весен нить.
Все равно ты – самая хорошая,
И тебя никак нельзя забыть... (с. 47)

Особое место в довоенной жизни героя занимает сосед Николай Степанович Позняков, профессор консерватории, который писал стихи, вел разговоры с молодым человеком о поэзии, искусстве, познакомил с драматургом А. Н. Афиногеновым. Николай Степанович говорил: «Поэзия – одно из величайших таинств мироздания, мой друг! Настоящая поэзия выражает сущность человеческой души и одновременно преображает эту душу. И чувства! Вообще, мой друг, искусство в большом понимании этого слова – плод вдохновения и стимул наслаждения. Эликсир наслаждения, так сказать» (с. 48–49). Такое гуманистическое восприятие литературы, искусства делала «прививку» молодому поколению от дурных поступков, рождало сочувствие к чужим страданиям. Это в полной мере проявилось в характере и поведении героя на фронте. Так, герой осуждает расстрел сослуживцем Володей взятых в плен двух немецких солдат.

С. Баруздин отмечает в романе все значимые события в жизни страны и героя. На войне между Советским Союзом и Финляндией погиб отец Наташи, летом 1941 года, когда герой и его друзья ехали в летний пионерский лагерь, объявили о войне с Германией. С. Баруздин передает эмоционально-психологические особенности подростков, их реакции на различные жизненные ситуации. Так, писатель показывает, как непосредственно реагировали подростки на объявление войны:

– Война? Какая война?

Все сгрудились в вагонном проходе.

– Война! Ур-ра! – восторженно крикнул кто-то, но тут же осекся, взглянув на лицо вожатой» (с. 37).

Довоенный мир детства контрастирует с жестокой реальностью войны. Уже в военное время герой вспоминает о летнем отдыхе, когда он выезжал в деревню, «здесь мне разрешалось делать то, о чем я обычно и помышлять не мог в городе: я купался до одури и сидел с ребятами в ночном у костра, забредал в лес аж до самой глухомани и скакал на потных лошадях, пылился на току, таскал яблоки в чужих садах и катался на самодельных плотах» (с. 77).

Война все меняет в жизни подростков: Наташа пошла на работу, и герой тоже пошел работать в типографию, чтобы не чувствовать себя неловко перед ней. Наташа отправилась на фронт, герой записался в добровольческий батальон, так начинается их «взрослая» жизнь.

Особым потрясением для героя является его первое вместе с отцом в добровольческом отряде участие в боях за Москву. Как сказочный герой, он с отрядом идет по московским улочкам на передовую. Герой видит некую несогласованность действиях добровольцев и солдат Красной армии, видит впервые врагов, впервые стреляет по врагам. Его потрясает смерть маленького мальчика, ранение отца, который хотел спасти мальчика. «Отец лежал на мокрой тропинке, без шапки, в расстегнутой телогрейке, откинув правую руку. Почему руку, когда кровь заливала его живот, – я ничего не понимал в эту минуту. – Ты? Вот... – сказал он, глядя на меня неестественно большими глазами, и повторил: – Вот... И тебе крещение. А мальчишку жалко... Не удалось... Вот такая штука. Страшно... Только головка... В шапке... Без тела... и рот раскрыт. Прямое попадание... Ты что?.. Не волнуйся! Я буду жить.

Буду! Только пить мне не давайте. Нельзя!.. – и застонал, сжимая губы» (с. 85).

Особенностью «лейтенантской прозы» критики отмечали такую черту, как натурализм изображения в деталях жестокости войны. Герой еще не раз столкнется с разными проявлениями такой жестокости, с «окопной правдой». Ю. В. Бондарев писал, что «окопная правда для меня, в первую очередь, – это очень высокая достоверность. <...> ...В героизм входит все: от мелких деталей (старшина на передовой не подвез кухню) до главнейших проблем (жизнь, смерть, честность, правда). В окопах возникает в необычайных масштабах душевный микромир солдат и офицеров, и этот микромир вбирает в себя все»¹.

Сюжетные ходы в романе С. Баруздин оправдывает не только логикой ситуации на фронте, но и фактами из собственной биографии. После смерти отца герой вернулся работать в типографию. В Москве обстановка становилась все более тяжелой, погибли знакомые героя – дежурившего на крыше, взрывной волной сбросило одноклассника Бориса Скворцова, а соседа Николая Степановича после бомбежки придавило шкафом, квартира героя была вся разбита.

Военные будни в романе представлены не столько боями, сколько повседневной учебой (в учебном подразделении) и работой на фронте, которую герой называет привязку огневых постов для артиллерии в Польше, Венгрии, Германии, Чехословакии.

Однако, жестокость выступает как бы одним из полюсов в стилевой системе романа, оппозицией которой становится лирико-героическая струя, связанная с юношеской любовью. Стремление найти себя и даже внутренние конфликты героя и других персонажей становятся символами чести, достоинства, упорства и стойкости.

Герой даже в самые тяжелые минуты не забывает о своей любви, а своей Наташе. «И знаю ли я, что такое любовь? Где я видел ее? Может, прав Володя! Впрочем, знаю, конечно, знаю. Мать моя любила отца. И отец любил мать. Как же все это было у них? Любила, любил... Они просто были вместе по утрам и вечерам, и по выходным дням, и во время отпуска, но не всегда, а когда их отпуска совпадали» (с. 137).

¹ Бондарев Ю. В. Стенограмма совместного Пленума комиссии по военно-художественной литературе Правления СП СССР и правления Московского отделения СП РСФСР, посвященное Дню Победы. 28–29 апреля 1965. Т II. С. 116.

В 1944 году в Польше, в городе Лежайск он видит похороны капитана Смирнова, который был до войны секретарем райкома, и который вручил ему комсомольский билет. Однако герой испытывает еще одно потрясение. На его похоронах герой снова встретил Наташу, но ему было очень больно узнать, что она любила капитана Смирнова. В это время он понимает, что существует любовь «незнакомая мне, взрослая ее любовь», которую испытывала Наташа к капитану. Однако своей юношеской наивностью герой верил, что его любовь возьмет верх. Даже после такого разочарования герой продолжает любить Наташу. С. Баруздин показывает силу любви, потому что Наташа и герой несколько раз расставались, писали и ждали письма и вновь встречались.

Писатель рассказывает, как складывалась служба героя после войны в Венгрии, как их часть уезжала на переформировку для службы на Дальнем Востоке. Писатель опять использует «сказочный» прием: «смерть и воскрешение». В поезде дали знать ранения героя, он теряет сознание и, очнувшись, узнает, что он снова в московском госпитале.

В госпитале его навещает мать и сообщает, что собирается выйти замуж за хорошего человека, тогда и герой открывает тайну, что он женился еще на фронте и у него есть ребенок. Возвращение Наташи уже с ребенком прямо в госпиталь стало для героя еще одним потрясением.

Заключение

Роман С. Баруздина «Повторение пройденного» глубоко, трогательно и правдиво показывает

пересечение войны и мира подростков. Эти два аспекта не только сосуществуют, но и образуют сложную структуру хронотопа романа, который можно соотнести со сказочным хронотопом.

С. Баруздин показывает, что даже на войне, когда надежда кажется утраченной, человек может и обязан сохранить человечность, доброту, как герой русской волшебной сказки, преодолевая все преграды, а в конце воссоединяется с любимой. Еще один важный аспект взросления подростков – это дружба и взаимопомощь на фронте. Эта тема проходит через весь роман, создавая эмоциональный фон, сопровождающий героев в разных ситуациях боя, в походе, на отдыхе, в госпитале. События, происходящие на фоне войны, формируют характер и судьбу героев. Через опыт героев автор ставит важные вопросы о том, как война влияет на психологию и жизненные принципы подростков.

С. Баруздин, сопоставляя эмоционально-психологические особенности взрослых и подростков в мирное время и на войне, глубоко раскрывает жестокость войны, смелость подростков и их искреннюю любовь к родине. Таким образом, данный роман не просто воспроизводит историческую действительность через объективные параметры художественного пространства и времени, но и передает их субъективное восприятие. Писатель нацеливает все тематические, композиционные и образные особенности романа на раскрытие внутреннего мира подростков в мирное и военное время. Роман С. Баруздина «Повторение пройденного» – это исследование становления человеческой души и важный урок подрастающему поколению.

1. Бочаров А. Г. Экзаменует жизнь. М. : Современник, 1985. 237 с.

2. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х гг. : монография. М. : Высшая школа, 2003. 385 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19775310&ysclid=mbja83akhc439855582> (дата обращения: 10.02.2025).

3. Дедков И. А. Возвращение к себе : литературно-критические статьи: из опыта советской прозы 60–70-х годов: герои, конфликты, нравственные искания. М. : Современник, 1978. 319 с.

4. Топер П. М. Ради жизни на земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои. 3-е изд., доп. М. : Советский писатель, 1985. 651 с.

5. Трубина Л. А. Возвращение к «правде вещей» (новое прочтение лейтенантской прозы) // Русская словесность. 2023. № 5. С. 32–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54707398> (дата обращения: 16.03.2025).

6. Либрехт А. Н. Особенности фронтовой прозы 60–70-х гг. XX столетия // Вестник науки. 2023. № 11 (68). Т. 1. С. 733–741. URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/10679> (дата обращения: 11.12.2024).

7. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4 (43). С. 6–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44369042> (дата обращения: 11.12.2024).

8. Крикливец Е. В. «Феномен двойного видения» в советской военной прозе и в произведениях современных авторов о Великой Отечественной войне // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 3 (54). С. 451–458. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.3\(54\).451-458](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.3(54).451-458)

9. Шальнова Д. А., Сложеникина Ю. В. Семантика заглавия повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110) С. 476–480. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-zaglaviya-povesti-v-p-nekrasova-v-okopah-stalingrada?ysclid=mbjd6pdmq903627584> (дата обращения: 18.03.2025).

10. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград : Художественная литература, 1971. 414 с.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 30.04.2025 г.; принята к публикации 30.05.2025 г.

Об авторе

Ян Гуйюнь

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет (610000, Российская Федерация, г. Киров, ул. Московская, д. 36), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5503-1769>, zhuyilongnvyou@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Bocharov A. G. Ekzamenuet zhizni' [Examines life]. M., Sovremennik Publ., 1985, 237 p.

2. Goncharov P. A. Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste russkoi prozy 1950–1990-kh gg. : monografiya [Creativity of V. P. Astafiev in the context of Russian prose of 1950–1990s. : monograph]. M., Higher School Publishing House, 2003. 385 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19775310&ysclid=mbja83akhc439855582> (accessed 10.02.2025).

3. Dedkov I. A. Vozvrashchenie k sebe : literaturno-kriticheskie stat'i: iz opyta sovetskoi prozy 60–70-kh godov: geroi, konflikty, нравственные искания [Returning to myself : literary-critical articles: from the experience of Soviet prose of the 60–70s: heroes, conflicts, moral quests]. M., Sovremennik Publ., 1978, 319 p.

4. Toper P. M. Radi zhizni na zemle. Literatura i voina. Traditsii. Resheniya. Geroi. 3-e izd., dop. [For the sake of life on earth. Literature and war. Traditions. Decisions. Heroes. 3rd ed., supplement]. M., Soviet Writer Publ., 1985, 651 p.

5. Trubina L. A. Vozvrashchenie k “pravde sushchei” (novoe prochtenie leitenantskoi prozy) [Return to the essence of truth: a new reading of the lieutenant's prose]. *Russkaya slovesnost'* = *Russkaya Slovesnost*, 2023, no. 5, pp. 32–40. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54707398> (accessed 16.03.2025)

6. Librecht A. N. Osobennosti frontovoi prozy 60–70-kh gg. XX stoletiya [Features of front prose 60–70-ies of the XX century]. *Vestnik nauki* = *Science Bulletin*. 2023, no. 11 (68), vol. 1, pp. 733–741. Available at: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/10679> (accessed 11.12.2024).

7. Kovtun N. V. Tema pamyati v sovremennoi proze o Velikoi Otechestvennoi voine [Theme of memory in modern prose about the great patriotic war]. *Kul'tura i tekst* = *Culture and text*, 2020, no. 4 (43), pp. 6–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44369042> (accessed 11.12.2024).

8. Kriklivec E. V. “Fenomen dvoynogo videniya” v sovetskoi voennoi proze i v proizvedeniyakh sovremennykh avtorov o Velikoi Otechestvennoi voine [“The phenomenon of double vision” in soviet war prose and in the works of modern authors about the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Memoirs of NovSU*, 2024, no. 3 (54), pp. 451–458. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.3\(54\).451-458](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.3(54).451-458)

9. Shalnova D. A., Slozhenikina Yu. V. Semantika zaglaviya povesti V. P. Nekrasova “V okopakh Stalingrada” [Semantics of the title of the novel by Viktor Nekrasov “In the trenches of stalingrad”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *The world of science, culture and education*, 2025, no. 1 (110), pp. 476–480. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-zaglaviya-povesti-v-p-nekrasova-v-okopah-stalingrada?ysclid=mbjd6pdmq903627584> accessed 18.03.2025).

10. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoi literatury [Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1971, 414 p.

The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.

About the author

Yang Guiyun

Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University (36 Moskovskaya St., Kirov, 610000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5503-1769>, zhuyilongnvyou@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.